

Российское общество конца XIX-начала XX вв. в контексте модернизации в современной отечественной историографии

Одной из главных характеристик современного этапа исторической науки в России в условиях свободы выбора концептуального подхода исследования является всё более частое обращение к проблеме теории модернизации. При этом, по мнению Ш.Р. Зайнетдинова, несмотря на относительно короткий промежуток времени, прошедший с момента слома тоталитарного режима и до наших дней, нужно отметить наличие определенных успехов в изучении вопросов социальных изменений в стране в рамках указанной теории (1).

Действительно, российское общество в контексте модернизационного развития России стало предметом рассмотрения большой группы представителей научного общества. Различные аспекты данной проблемы исследуются историками, философами, политологами, социологами, экономистами.

Обращаясь к определению понятия модернизации, нужно отметить многообразие и пестроту его интерпретаций. В самом широком смысле модернизация приравнивается к развитию, изменению (2). Узкая трактовка, напротив, выделяет одну из сторон рассматриваемого многогранного процесса, применительно к совершенствованию определенных сфер или институтов общества (3). Наиболее полным представляется определение авторского коллектива под руководством академика В.В. Алексева. В данном случае модернизация понимается как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного, аграрного к современному, индустриальному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность субпроцессов: индустриализации, урбанизации, демографического роста, эрозии традиций, социальной мобильности, дифференциации, бюрократизации, профессионализации, демократизации, распространении грамотности и образования и т.д. (4).

Кроме указанных критериев модернизирующегося общества социальный аспект данного процесса характеризуется также четкой специализацией людей, общественных и государственных институтов по видам деятельности; минимизацией зависимости последней от таких показателей, как пол, возраст, социальное происхождение, личные связи людей; ростом значения таких признаков, как личные качества человека, его квалификация, усердие, образование; заменой отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства; сменой социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности; глубокими переменами в повседневной жизни людей – обезличиванием обыденных отношений между ними, растворением человека из деревни, устро-

ившегося на работу в городе, среди незнакомых ему людей; движением от иррациональности к рациональности социального действия (5). При этом обобщающим, всеобъемлющим критерием модернизации, по мнению В.А. Ядова, выступает расширение степеней свободы деятельности каждого отдельного индивида, личности (6).

В истории России конец XIX – начала XX вв. является одним из важнейших периодов на пути модернизации страны. В периодизации рассматриваемого процесса, предложенной В.А. Красильщиковым, он соответствует раннеиндустриальной стадии и с технологической стороны характеризуется переходом от мануфактуры к машинному или фабрично-заводскому производству, превращением орудия труда из ручного в механическое, появлением и распространением машин (7). Период конца XIX – начала XX вв. был отмечен явными успехами капиталистического развития России, что и обусловило выделение его из рамок XVIII-XX вв., прошедших под знаком масштабной модернизации страны. С 1885 по 1913 гг. объем промышленной продукции в России вырос в пять раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире (8). Активизация железнодорожного строительства 1890-х гг. способствовала интеграции регионов и общему оживлению экономической жизни страны. Ускорились темпы технического перевооружения промышленности и сельского хозяйства. Хотя, по признанию специалистов, аграрный сектор и к 1917 г. оставался всё ещё отсталым, слабо механизированным (9).

Естественно, что такие изменения в хозяйственной жизни страны не могли не оказать влияния на облик её народа.

В работе И.В. Побережникова, посвященной общероссийскому и региональному (на примере Урала) общественному развитию в контексте модернизации второй половины XIX – начала XX вв., основное внимание уделяется процессам профессионализации, роста грамотности, обновления социальных институтов. Автор отмечает, что индустриализация, растущая специализация труда стимулировали повышение образовательного и профессионального уровня населения. Исследователь отмечает общий рост грамотности и культурности, расширение сети учебных заведений, создание профессиональных, технических, медицинских обществ, обществ взаимопомощи и потребительских объединений, организованных по профессиональному принципу. Процесс обновления социальных институтов проявился в интеграции общественных, небюрократических элементов в систему управления, распределении властных полномочий и ответственности между ними и государственным аппаратом, создании промежуточных между обществом и государством организаций (добровольных объединений, научно-краеведческих и культурно-просветительских организаций) (10).

Процессам изменения социальной структуры в ходе модернизации посвящена монография Ш.Р. Зайнетдинова. Исследователь полагает, что

российское общество на рубеже XIX-XX вв. переживало один из драматических периодов своей истории. В сфере социальных отношений переплетались самые противоречивые тенденции. С одной стороны, капиталистическая модернизация способствовала развитию и становлению в составе самостоятельного населения тех групп, которые олицетворяют собой общественный прогресс. К ним автор относит интеллигенцию и частных предпринимателей, а также рабочий класс, в несколько меньшей степени кустарей, работников труда обслуживания. Другим показателем модернизирующегося общества является выделение правящей бюрократии – работников органов управления и власти – в самостоятельную социальную категорию. Однако, положительные тенденции модернизационного развития страны сочетались с пережитками полукрепостнического строя. Важнейшим среди них являлось сохранение в начале XX в. сословного деления, что выступало сильным тормозом для действия социальной, в первую очередь вертикальной, мобильности, усиливало противоречия между традиционалистскими и модернизационными группами (11).

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает такой социальный слой, как крестьянство. Выделение его из рамок общественной структуры обусловлено тем, что на рубеже XIX-XX вв. Россия оставалась преимущественно крестьянской страной. По подсчетам Н.М. Ушакова, в деревне проживало 85% всего населения, а крестьянское хозяйство поставляло основную массу товарной продукции, в том числе более $\frac{3}{4}$ всего товарного хлеба (12).

К концу XIX в. в Европейской России возникло аграрное перенаселение, что явилось одной из причин переселенческого движения на окраины, усилившегося в 90-е гг. XIX в. Другой причиной роста миграционной активности сельского населения был процесс социально-экономической дифференциации крестьянства. Наиболее ускоренными темпами этот процесс шел в районах распространения торгового земледелия (в Центральном Черноземье, на Нижней Волге, в Прибалтике и южных степных губерниях). К концу XIX в. только из центрально-черноземных, средневолжских и ряда малороссийских (Киевская, Полтавская, Черниговская) губерний переселилось более 3,4 млн. крестьян (12,2% их населения) (13). Одновременно наблюдается массовый отток крестьян в города в поисках работы. В пореформенный период (до начала XX в.) количество крестьян – горожан выросло в 4,6 раза. Как отмечают Л.И. Бородкин и К.С. Леонард главным фактором миграции в конце XIX – начале XX вв. являлась разница в заработной плате в сельской и городской местности (14).

В тоже время поляризация между городом и деревней сохранялась. Тогда как, по словам В.В. Сумского, преодоление культурного и материального разрыва между сельским и городским населением, между «простым человеком» и элитарными слоями является залогом гармоничного

общества. Исследователь с сожалением признает, что как раз на этом важнейшем направлении попытки модернизировать Россию систематически обнаруживали свою несостоятельность (15).

В стратегической перспективе, по словам Н.Ф. Наумовой, социальные запаздывающие модернизации в истории России оказывались малоэффективными и толкали российское общество на путь «рецидивирующей» (периодически возвращающейся) модернизации. Это приводит к резкому росту «социальной цены» рассматриваемого процесса, в результате чего, во-первых, вносятся непродуманные коррективы, и реформы не доводятся до конца, осуществляются частично; во-вторых, в психологии основной части населения закладывается обоснованный страх перед радикальными реформами, недоверие к их идеологам и руководителям (16).

Таким образом, проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что социальная модернизация российского общества конца XIX – начала XX вв. – сложный и противоречивый процесс, сочетающий как черты развития страны по капиталистическому пути, так и пережитки полукрепостнической системы. К первым необходимо отнести, прежде всего, такие явления общественной жизни, как общий рост уровня образованности населения, профессионализация, перераспределение властных полномочий между государством и общественными объединениями, изменения социальной структуры (становление предпринимательства и рабочего класса, работников труда обслуживания, пополнение рядов последних за счет миграции сельского населения в город, выделение в самостоятельную категорию правящей бюрократии). Тормозом социальной модернизации России в конце XIX – начале XX вв., создававшим дополнительное напряжение в обществе, выступало, в первую очередь, сохранение сословной структуры, вследствие чего фиксировалась поляризация между городом и деревней, «верхами» и «низами» общества. Противоречивость социального развития России рассматриваемого периода вызвала серию революционных потрясений XX в., имеющих своей целью модернизировать страну.

---

1. Зайнетдинов Ш.Р. Социальная структура в процессах модернизации российского общества (рубеж XIX-XX вв. – 1930-х гг.). Уфа, 2000. С. 22.

2. Ильин М. Политическая модернизация: неоконченная драма в трех действиях // Стратегия. 1998. № 1. С. 77.

3. Алексеев В.В. и др. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург – Лувен, 1997. С. 93-94.

4. Там же. С. 88.

5. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40; Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв. М., 2000. С. 20; Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. №7. С. 38; Алексеев В.В. и др. Указ. соч. С. 88-89.

6. Российская модернизация: проблемы и перспективы... С. 38.

7. Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 44-46.

8. Алексеева Е.В. Империя и модернизация: двуликий Янус исторического целого // Уральский исторический вестник. №5-6. Екатеринбург, 2000. С. 134.
9. Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв. С. 59-60.
10. Побережников И.В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская модернизация XIX-XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С. 37-60.
11. Зайнетдинов Ш.Р. Указ. соч. С. 59-88.
12. Ушаков Н.М. Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. Астрахань, 1999. С. 3.
13. Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв. С. 119-120.
14. Бородкин Л.И., Леонард К.С. Факторы динамики миграции из деревни в город в России в конце XIX – начале XX вв.: роль заработной платы // Российская модернизация XIX-XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. С. 11-26.
15. Российская модернизация: проблемы и перспективы... С. 18-19.
16. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 30-31.

Неподобная Г.А.

Региональная культурная политика: проблемы и перспективы

Современная российская действительность демонстрирует повышение роли политики во всех сферах социально-экономических отношений в обществе. Государственная политика – многозначный феномен, включающий целый комплекс различных подсистем, в числе которых одно из важнейших мест принадлежит культурной политике.

На сегодняшний день в литературе нет однозначного понимания того, что такое культурная политика. Несмотря на то, что само понятие «культурная политика» прочно вошло в обиход, его конкретное содержание все еще остается неопределенным. Между тем, не определив понятия «культурная политика», невозможно решить проблему механизмов ее формирования и реализации.

Попытку очертить границы этого понятия предприняли Е.Л.Иванова, Л.П.Каткова, беря за основу понятие «политика» - как сферу человеческой деятельности, в которой происходит борьба за власть (1). Но политикой является нелюбая власть, а та, которая подчиняется определенным нормам и правилам политической «игры», принятым в данном сообществе. А.Флиер разграничивает понятия «культурная политика» и «оперативное управление текущими культуротворческими процессами», обосновывает необходимость соотнесения культурной политики с основными тенденциями развития цивилизации (2). Он же дает характеристику основных субкультурных «подсистем» российской культуры, осмысливает задачи культурной политики относительно «срединной» (ориентированной на основную массу городского населения), «высокой» и народной культур. Важнейшим принципом культурной политики А.Флиер считает признание амбивалентности (многоуровневости) культуры.